

12. Lundby K. Editorial: mediatized stories: mediation perspectives on digital storytelling / K. Lundby // *New media and Society*. 2008. V. 10. № 3. P. 363–371.
13. Lundby K. Patterns of Belonging in Online/Offline Interfaces of Religion / K. Lundby // *Information, Communication & Society*. 2011. V. 14. № 8. P. 1219-1235.
14. Papacharissi Z. The Presentation of Self in Virtual Life: Characteristics of Personal Home Pages / Z. Papacharissi // *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2002. V. 79. № 3. P. 643 – 660.

## References

1. How to hide the friend list? *Website support Vkontakte* [Online]. Available at: <https://vk.com/faq8307> (accessed: 15.10.2018).
2. How the friend list is formed? *Website support Vkontakte*. Available at: <https://vk.com/faq8638> (accessed: 15.10.2018).
3. Bakardjieva, M. and Gaden, G. Web 2.0 Technologies of the Self. *Philosophy and Technology*. 2012. V. 25. № 3. P. 399-413.
4. Bechmann, A. and Lomborg, S. Mapping actor roles in social media: Different perspectives on value creation in theories of user participation. *New Media & Society*. 2012. V. 15. № 5. P. 765-781.
5. Boyd, D. M., Ellison, N. B. Social Network Sites: Definition, History, and Scholarship. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2007. V. 13. № 1. P. 210-230.
6. Campbell, H. Surveying theoretical approaches within digital religion studies. *New Media & Society*. 2017. V. 19. № 1. P. 15–24.
7. Dijk, T., van. *Ideology: A Multidisciplinary Approach*. London: SAGE Publications, 1998.
8. Hjarvard, S. *The Mediatization of Culture and Society*, London: Routledge, 2013.
9. Lövheim, M. Identity. *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*, ed. by Campbell, H. New York: Routledge, 2012. P. 41-56.
10. Lövheim, M. Mediatisation of religion: A critical appraisal. *Culture and Religion*. 2011. V. 12. № 2. P. 153-166.
11. Luders, M. Conceptualizing personal media. *New Media & Society*. 2008. V. 10. № 5. P. 683–702.
12. Lundby, K. Editorial: mediatized stories: mediation perspectives on digital storytelling. *New media and Society*. 2008. V. 10. № 3. P. 363–371.
13. Lundby, K. Patterns of Belonging in Online/Offline Interfaces of Religion. *Information, Communication & Society*. 2011. V. 14. № 8. P. 1219-1235.
14. Papacharissi, Z. The Presentation of Self in Virtual Life: Characteristics of Personal Home Pages. *Journalism & Mass Communication Quarterly*. 2002. V. 79. № 3. P. 643 – 660.

## ЛЕБЕДЕВ С.Д. ПРАВОСЛАВНАЯ КУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ: К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

**Аннотация.** В статье излагается теоретико-методологический подход к анализу практик преподавания / изучения знаний о религии с позиций культурной рефлексии. Структура и содержание основной части статьи выстраиваются в соответствии с тремя методологическими принципами: когерентности систем «общество – образование» Э. Дюркгейма, социокультурным принципом П.А. Сорокина и принципом единства и взаимодополнения функции и контекста. Последовательный анализ основных аспектов рефлексии религии в российском обществе и образовании результируется в комплексном описании соответствующей проблемы для последующего эмпирического анализа.

**Ключевые слова:** российское образование; религия в образовании; рефлексия религии; культурная рефлексия; православная культура.

## **LEBEDEV S.D. ORTHODOX CULTURE IN MODERN RUSSIAN EDUCATION: TO THE PROBLEM OF CULTURAL REFLECTION**

**Abstract.** The article presents a theoretical and methodological approach to the analysis of the practice of teaching / studying knowledge about religion from the standpoint of cultural reflection. The article main part structure and content are aligned in accordance with three methodological principles: the coherence of the systems “society - education” by E. Durkheim, the sociocultural principle by P.A. Sorokin and the principle of unity and complementarity of function and context. A consistent analysis of the main aspects for the reflection of religion in Russian society and education results in a comprehensive description of the corresponding problem for subsequent empirical analysis.

**Keywords:** Russian education; religion in education; reflection of religion; cultural reflection; Orthodox culture.

**Введение.** Комплекс вопросов, связанных с религией в современной системе образования, является значимой проблемной областью для мировой социологии религии, где соответствующие вопросы ставятся и решаются в междисциплинарном пространстве социологии – богословия – философии. В российской действительности, в силу ряда исторических и культурных обстоятельств, данный вопрос стоит с наибольшей остротой. «Религия в образовании» принимается общественностью и оценивается экспертами крайне неоднозначно, в то время как кардинального разрешения этой проблемы в скором обозримом будущем не предвидится (6). К основным предпосылкам и причинам этой ситуации следует отнести: а) высокую степень и жёсткий характер предшествующих ей секуляризационных процессов в российском / советском обществе; б) постсоветский радикальный политико-идеологический поворот к религии; в) конфессионально ориентированный проект преподавания знаний о религии в средней общеобразовательной и высшей школе как основную форму образовательной рефлексии религии. В то же время указанное противоречие остаётся недостаточно отрефлексированным на системном социологическом уровне.

Указанное обстоятельство требует разработки и применения к изучению и практическому разрешению этого проблемного узла новых исследовательских подходов с применением теоретико-методологического арсенала современной социологии. В качестве одного из таковых может быть предложен культурно-рефлексивный подход, схематично представленный в данной статье.

**Методология и методы.** Вопрос о преподавании знаний о религии в современной школе выходит за частные рамки организационных, педагогических и правовых проблем. Будучи тесно с ними связано отношениями взаимной обусловленности, его глубинное универсальное основание усматривается нами в области смыслополагания. Представления, обеспечивающие, в терминах Никласа Лумана, самореференцию и инореференцию субъектов и практик, а своей наиболее глубокой, универсальной и устойчивой части, связанной с паттернами культуры, могут дать ключ к пониманию и на его основе – разрешению потенциальных и реальных конфликтных ситуаций в этой сфере.

Основными категориальными инструментами, позволяющими углубить осмысление проблемной ситуации с религией в образовании, представляются концепты «рефлексия» и «культура», объективные референции которых выявили свою ключевую значимость для современных социальных процессов в последние десятилетия (2; 1). Соответствующие понятия и их производные образуют концептуальную базу исследования.

*Рефлексия* понимается нами как одна из трёх основных сфер (модальностей) человеческой деятельности, наряду с предметной деятельностью и коммуникацией. Это деятельность по воспроизводству и преобразованию смыслов, которая выражается в оценке / интерпретации актуальных жизненных реалий. В то же время к рефлексивной деятельности относится не любое смыслопроизводство, а тот его пласт, который функционально связан с самосознанием некоторого социального субъекта в определённой ситуации социальных (прежде всего) отношений. Простейшее, идеально-типическое рефлексивное действие представляет собой субъектную оценку / интерпретацию объекта в определённом контексте взаимоотношений с ним, которое осуществляется через проекцию на этот объект некоторого комплекса смыслов («узнавание»). На практике такие действия обычно носят сложный, синкретичный характер, обусловленный: многослойностью идентичности субъекта, предметной многосторонностью объекта и многомерным характером тематического смыслового континуума. Вместе с тем имеются достаточные основания предполагать в каждом конкретном «социальном фрагменте» доминирующие тенденции их сочетаний и возможность установить эти тенденции научным способом анализа.

*Рефлексия религии* – осмысление (оценка / интерпретация) религиозных явлений и процессов в контексте субъект-объектных отношений. Это могут быть отношения включённости, дистанцированности, противопоставления субъекта те или иным референциям религии. При этом в части различных референций последней такие отношения могут различаться, «парадоксальным» образом сочетаясь на практике.

*Рефлексия религии в образовании* – осмысление религиозных явлений и процессов в ракурсе предметной сущности (функций, целей и задач) образования в его конкретно-исторической версии. Она носит сложносоставной и потенциально противоречивый характер в силу диффузии институциональных контекстов образования и других социальных институтов: собственно конфессий, семьи, СМИ и т.д., которые пересекаются и сталкиваются в фокусе «экрана знаний» и индивидуальной культуры целевого субъекта образования – обучающегося (6, С. 75). Качество окончательного «рефлексивного решения» последней проблемы соотнесения различных тематических коммуникативно-познавательных программ (Т.М. Дридзе) определяет достижение или недостижение образовательных целей и задач в части изучения религии.

*Культура* – «символический универсум», системно организованная (хотя не жёстко интегрированная) универсальная вселенная смыслов, выработанная в процессе развития определённой социальной системы.

*Культурная рефлексия* – осмысление значимых реалий (в данном случае – комплекса религиозных референций) с позиций универсалий и базовых ценностей определённой культуры. Предметно ей соответствуют наиболее экзистенциально, бытийно значимые отношения, «онтологические основания бытия (15, С. 199). В плане рефлексии религии наиболее релевантны светские и собственно конфессиональные культурные паттерны, а также их соотношение и взаимовлияние в общественных дискурсах.

Как следствие, *культурная рефлексия религии в образовании* может быть определена как комплекс оценок / интерпретаций религии, формирующийся в процессе образовательной коммуникации и результирующий в сознании обучающегося под влиянием присутствующих в нём светских и религиозных (конфессиональных) смыслов и ценностей.

Принципы методологии исследования:

Когерентность систем «общество (социетальная система) – образование (институциональная подсистема общества)» (3, С. 254, 261); общество задаёт рамку, ключевые паттерны рефлексии реальности, на которые ориентируется образование.

Социокультурный принцип «личность – общество – культура» (12, С. 218), подразумевающий единство и автономию категорий «социальный субъект – социальная

структура – смысловой паттерн»; во всяком акте рефлексии участвуют: субъект, структура отношений, в которые он включён, и устойчивые общепринятые смыслы, которые он проецирует на объект осмысления.

«Функция – контекст»; каждая составляющая рефлексии характеризуется в этой связи двумя сторонами: функцией (тем, что она активно вкладывает в осмысление реальности) и контекстом – социальным «ресурсом» и ограничениями, которые с ней связаны).

Исходя из указанных принципов, выстраивается трёхмерная аналитическая модель рефлексии:

ось «социальный субъект – социальная структура – смысловой паттерн»;

ось «функция – контекст»;

ось «общество – образование».

**Основная часть.** Ниже мы схематично представим описание рефлексии религии в российском образовании применительно к современной ситуации в соответствии с этой моделью.

**Субъектный модус – общество – функция.** Определяющими социальными субъектами сегодняшнего российского общества в плане рефлексии религии и православной культуры в частности, выступают государство и ведущие религиозные объединения, представленные, прежде всего, Русской православной церковью Московского Патриархата. Их взаимодействие и сложившаяся модель отношений формирует рамочные правила рефлексии («рефлексивную программу») религии в обществе. Запрос государства на свою устойчивую и полную легитимацию в обществе проявляется в т.ч. в обращении к авторитету наиболее влиятельной и исторически авторитетной религии и конфессии, представленной наиболее крупной и значительной религиозной организацией (4, С. 6). Запрос церкви состоит в максимальном использовании институциональных каналов сохранения и расширения своего влияния в обществе и на общество, в том числе канала образования (10, С. 94).

**Субъектный модус – общество – контекст.** Ресурс и ограничения рефлексии религии и православной культуры как её ведущего референта в социосубъектном измерении определяются контингентом людей, массово вовлечённых в такую рефлексивную программу через тематические социальные настроения. Они выражают как востребованность и поддержку соответствующей рефлексивной программы, так и наоборот – запрос на альтернативные рефлексивные программы, конкурирующие с ней. Субъектный контекст рефлексии религии определяют, прежде всего, граждане РФ, разделяющие массовые прорелигиозные умонастроения, из которых наиболее известен и описан в науке «проправославный консенсус» (9, С. 20-25), и разделяющие массовые контррелигиозные умонастроения (13). В настоящее время, при сохранении значительного влияния первых, в российском обществе нарастает влияние вторых. Количественное и качественное соотношение в обществе субъектов, руководствующихся соответствующими умонастроениями, будет определять меру жизнеспособности рефлексивных программ, предлагаемых крупными институциональными субъектами.

Противоречие в данной связи состоит в том, что субъекты в обществе придерживаются различных умонастроений / рефлексивных позиций относительно религии, которые могут не укладываться в рамку доминирующей программы рефлексии. Такая рассогласованность «рефлексивных программ» ведёт к дисфункциональному характеру взаимодействий в поле религиозной ситуации.

**Субъектный модус – образование – функция.** В институциональном поле образования, как нам представляется, правомерно рассматривать ситуацию в обратной перспективе. Именно: определяющими, «конечными» субъектами рефлексии религии в образовании являются потенциальные и реальные обучающиеся (и отчасти, до достижения ими совершеннолетия – их родители/опекуны). Соответственно, при введении в современную массовую образовательную коммуникацию религиозных инноваций –

таких, как «Основы православной культуры и светской этики» и других аналогичных предметных дисциплин – их инициаторами предполагается, что эти предложения должны быть востребованы людьми, разделяющими соответствующие религиозные и прорелигиозные настроения. Контингент обучающихся и шире – членов их семей – формирует социальный заказ на соответствующие образовательные программы. Не менее значимо то, что они же выступают акторами рефлексии получаемого ими по каналу образовательной коммуникации и другим каналам предметно-тематического знания, причём акторами, принимающими конечное решение по диспозиционированию соответствующего содержания в своей индивидуальной культуре.

**Субъектный модус – образование – контекст.** По большому счёту, все прочие субъекты образования, задействованные в проектировании, подготовке, организации и трансляции соответствующего материала, выступают в качестве «служб обеспечения», выполняющих подготовительные, инструментальные стадии рефлексивного процесса. Как следствие, ресурс и ограничения соответствующей рефлексивной повестки определяют «поставщики» таких образовательных программ, – в рассматриваемом случае, это также институты-партнёры «государство – церковь» в лице соответствующих организационных структур. Соглашение между ними формирует преобладающую официальную повестку («рамку») рефлексии религии в образовании, которая концептуально определяет, оформляет, идентифицирует «нестройный гул голосов» основного субъекта такой рефлексии, позволяя ему осмыслить свою позицию в отношении таких программ. В этой связи государство, как основной «стейкхолдер» национальной системы образования, предоставляет традиционным религиям (в первую очередь, православию в лице РПЦ МП) определённые законодательством и функциональными потребностями общества рамки их присутствия в образовании, которые те используют для реализации своих интересов, целей и задач.

Обозначенное выше противоречие здесь проявляется в том, что субъекты образования формируют и выражают различные заказы на оценку / интерпретацию религии в образовании, как в части её количественного присутствия в образовательной коммуникации, так и в качественной части содержания преподавания. При этом ряд запросов и предполагаемых образовательных результатов выходят за предлагаемую рефлексивную рамку. Количественные и качественные параметры такого несовпадения остаются в значительной мере неопределёнными.

**Структурно-институциональный модус – общество – функция.** «Функциональный консенсус» по поводу объекта рефлексии, принятый в обществе, задаёт русло её практической направленности. Характер рефлексии религии в этой связи двояк. Он определяется: а) трендами доминирующих практических (прежде всего, политических) установок на взаимодействие с религией в лице её значимых представителей – институций, организаций и групп; б) объективно присутствующим в обществе запросом на научно обоснованное экспертное знание о религии, который опосредуется, интерпретируется и регулируется в русле практических императивов.

В контексте постсоветской религиозной ситуации, особенности рефлексии религии определяет социально-политический запрос на легитимирующую функцию последней в «спайке» с социально-интегрирующей функцией. Можно говорить о доминировании политико-идеологической концепции, позиционирующей традиционные для России религии во главе с православным христианством как общественное «благо», способствующее укреплению единства общества и его моральных регулятивов, сопряжённой с позиционированием ряда альтернативных им, главным образом нетрадиционных религий и конфессий как «неблага» (7). Соответствующие ценностно-идеологические установки определяют рамку официально востребуемой и социально одобряемой в российском обществе рефлексии религии. Запрос на экспертную, научную рефлексия вследствие этого удовлетворяется выборочно, главным образом, в части изучения угроз со стороны признанно деструктивных форм и проявлений религиозных

феноменов (экстремизма, терроризма), и существенно слабее – в части изучения возможностей конструктивного взаимодействия религиозных и светских институций и субъектов, которые зачастую позиционируются как аксиома.

**Структурно-институциональный модус – общество – контекст.** Ресурс, т.е. институциональные возможности и ограничения рефлексии религии в обществе, от которых зависят уровень и качественные характеристики такой рефлексии, определяются в данном модусе развитием рефлексивности основных институциональных акторов – контрагентов религиозной ситуации: светских и собственно религиозных. М. Розати предлагает в этой связи простую и эвристичную четырёхпозиционную схему классификации такого соотношения, основанную на критерии «взаимно дополнительного обучения» институций «религии» и «современности» (11, С. 284-288). Оптимальные возможности для всестороннего и интенсивного развития рефлексии религии, согласно этой модели, открывает постсекулярный тип общества, для которого характерен высокий уровень саморефлексивности тех и других. Напротив, максимально ограничивают развитие такой рефлексии отношения взаимного непризнания, когда каждой из сторон востребованы консервативно-охранительные дискурсы, поддерживающие отношения конфронтации. Два промежуточных варианта основаны на преобладающей рефлексивности одной из сторон, в силу которой она использует в своих целях «активы» другой: например, вхождение религии в публичное (светское) пространство как полноценного актора внутри этого пространства, и, с другой стороны, инструментализация государством основной религиозной традиции из функциональных соображений (11, С. 286).

Для постсоветской религиозной ситуации в России, на наш взгляд, характерно противоречивое сочетание черт именно двух промежуточных вариантов, которые автор обозначает как «авторитарные современности» (нерефлексивные светские институты при рефлексивных религиозных) и «патерналистское усмирение религии» (наоборот). При этом, в силу объективных причин, преобладающим является второй тренд: государство, как более модернизированный агент, использует в качестве политического ресурса авторитет основной религиозной традиции (православного христианства в лице РПЦ МП), основанный на «общности традиций, этнической, культурной и религиозной принадлежности» (4, С. 6). Церковные же институты в целом довольны своей ролью «могущественной периферии», приходящей на помощь «попавшему в беду «центру» (11, С. 287). Структурно-институциональный ресурс общественной рефлексии религии, как следствие, концентрируется главным образом в светской (государственной) сфере и, хотя не скован жёсткими ограничениями, развивается не столь динамично, как в постсекулярной модели. В частности, дискурсы светских и конфессиональных контрагентов остаются относительно замкнутыми и в этой связи ограниченно стимулирующими друг друга к развитию.

Противоречие, при согласованности интересов ключевых субъектов взаимодействия, здесь выражается в напряжении между политико-идеологической и объективно-научной сторонами социальной рефлексии религии.

**Структурно-институциональный модус – образование – функция.** Исходя из того, что система образования осуществляет постоянную систематическую рефлекссию конгруэнтности идеалов и реалий общества (17, С. 85-87), её деятельность может быть представлена как отображение общественных запросов в разработке, изменении, внедрении и реализации образовательных стандартов и программ, направленных на сближение реалий и идеалов.

Объективно в современном российском образовании в последние десятилетия выражены и всё ещё не вполне удовлетворены два важных запроса: а) запрос на усиленную и качественно новую религиозоведческую составляющую содержания образования; б) запрос на общую воспитательную, ценностно-ориентирующую составляющую содержания образования. Наиболее распространённым вариантом

комплексного ответа системы образования на указанные запросы стал проект «конфессионально ориентированного образования», предполагающий сочетание программы ознакомительного религиоведения и традиционалистской программы воспитания / ценностной ориентации, интеграция которых основывается на моноконфессиональном акценте содержания соответствующего сегмента образования (8, С. 150). В этой связи особенно интенсивное организационное и методическое развитие получило направление, связанное с преподаванием / изучением православной культуры (8, С. 139).

**Структурно-институциональный модус – образование – контекст.**

Система образования в современном обществе представляет собой институт специально организованной коммуникации, направленной на воспроизводство его социокода. Условием такого воспроизводства является систематическая «рефлексия конгруэнтности» идеалов и реалий общества, которая определяет содержание образовательных стандартов и программ. В основе образовательной коммуникации лежат принципы: текста как формы трансляции; полидисциплинарности; институционально-ролевой матрицы «учитель – ученик»; научной легитимации дисциплин; аудиторного режима учебной деятельности (17, С. 135-137).

Структурно-институциональный ресурс рефлексии религии в образовании, диктующий её возможности и ограничения, тесно связан с режимом соответствующей образовательной деятельности. Он определяется характером «ниш» предметно-тематической образовательной коммуникации, предоставляемых школой. Изучение религии в российской школе ограничивается только одним учебным предметом общегуманитарного цикла, преподаваемого в 4-х классах российских средних общеобразовательных школ (модули ОРКСЭ, кроме «Светской этики») или на протяжении нескольких лет («Православная культура», «Исламская культура», «Духовное краеведение» и подобные дисциплины в средних и высших учебных заведениях ряда российских регионов). Соответствующая ниша для выполнения своей образовательной цели и задач вынуждена адаптироваться к полностью секуляризованным светским контекстам образовательного мейнстрима – предметным и внепредметным. От качества этой адаптации в существенной мере зависит её принятие субъектами – «заказчиками» образовательного продукта.

Здесь обозначенное выше противоречие преломляется в латентный либо явный конфликт между обучающей (принцип научности) и воспитательной (принцип культуросообразности) функциями образования, что дополняется противоречием между частным, почти маргинальным, статусом соответствующего образовательного сегмента и возлагаемыми на него задачами.

**Смысловой (культурный) модус – общество – функция.** Смысловое измерение рефлексии религии в современном обществе формируется во взаимодействии двух типов культурно-символических универсумов: светского, представляющего доминанту актуальной культуры в обществах Модерна, и собственно религиозного (конфессионального). Светский культурный мейнстрим поставлен перед необходимостью конструктивного для себя ответа на религиозный вызов. Для этого ему необходимо адаптировать актуализирующиеся в обществе на волне ревитализации религии (религиозного «возрождения», «десекуляризации») конфессиональные культуры, прежде всего, в части ценностей, норм и мировоззренческих установок, отображающих их смысложизненные основания. Эта адаптация может осуществляться различными способами: от конфронтационного (подавление, вытеснение, «стигматизация» религиозных символов и смыслов) до рецепционного (освоение их в максимально близких, комплементарных им ценностных и смысловых контекстах светского характера). Кризисная ситуация постсоветского общества и его культуры обусловила резкий переход от стратегии конфронтации и подавления религии к её рецепции, что, в условиях недостаточной сформированности институциональных и культурных механизмов

последней, вылилось в ситуацию, охарактеризованную Ж.Т. Тощенко как парадокс (14, С. 356-361).

Религиозные культурные традиции и социокоды, в свою очередь, призваны сохранить свои смысловые (вероучительные) и ритуально-поведенческие (культовые) основания, но при этом адаптироваться к светскому современному мейнстриму. Ю. Хабермас отмечает в той связи необходимость для них троякой рефлексии: осмысленного поддержания религией когнитивно диссонансных отношений с другими религиями / конфессиями, занятия определённой позиции в отношении авторитета наук, имеющих монополию на мирское знание, и встраивания в условия конституционной государственности и профанной морали (16, С. 120). Такое балансирование на «лезвии» единственно позволяет им «вписаться» в сложную ткань современного общества, не разрушая её, и проявить в нём своё конструктивное влияние, минимизировав деструктивный потенциал.

**Смысловой (культурный) модус – *общество* – контекст.** Возможности и ограничения смыслового измерения рефлексии религии связаны с выраженной количественной и качественной асимметрией репрезентации светской и конфессиональных культур в секуляризованном обществе. Данное обстоятельство объективно делает основным ресурсом культурной рефлексии религии светские дискурсы. Это ставит светские смысловые паттерны в преимущественное положение интерпретирующих, а конфессиональные – в положение интерпретируемых. Религиозное содержание культуры воспринимается большинством не иначе как через фильтр светских ценностей и знаний.

Здесь можно говорить об актуализации культуротранслирующей и мировоззренческой функций религии, но только в той мере и качестве, которые допускаются паттернами светской культуры. Поскольку мировоззренческая функция любой религии в современном российском обществе крайне слаба (в силу преимущественно вторичного, рефлексивного способа усвоения современным человеком религиозных представлений и норм), её культуротранслирующая функция в основном ограничивается передачей знания о религии в контексте вторичной, опосредованной светской культурой ценности национального и мирового культурного наследия. Это существенно сужает интерпретативную матрицу религии, усиливая и закрепляя в общественном сознании дистанцию между «религиозным» и «современным».

Исходное противоречие – между религиозными и светскими мировоззренческими смыслами и ценностями – акцентируется здесь противоречием между асимметрией репрезентации культур в обществе в пользу светской культуры (интерпретирующим модусом) и активной ревитализацией религии (транслирующим модусом). Светская культура не всегда способна аутентично интерпретировать религиозные смыслы; при этом она порождает различные, в том числе противоположные по содержанию, оценки / интерпретации религиозных реалий.

**Смысловой (культурный) модус – *образование* – функция.** К основной функции культурного модуса рефлексии в институциональных рамках образования относится социализирующее воздействие соответствующего предметно-тематического сегмента на целевого субъекта образования. Оно осуществляется через трансляцию и усвоение последним некоторого общепринятого социокода (17, С. 65-66). Применительно к социогуманитарному блоку содержания образования речь идёт, прежде всего прочего: а) о передаче ценностей господствующей культуры; б) о передаче комплекса знаний / умений / навыков (компетенций) касательно социокультурных явлений и отношений.

Общество в этой связи транслирует через школу, как минимум, три блока социокода, связанных с рефлексией религии: а) блок базовых ценностей, где некоторое нормативное представление о религии играет роль дополнительного легитиматора определённых представлений и норм поведения («скреп»); б) блок ценностей и знаний культурно-исторического наследия, где религиозная культура выступает одной из важных

содержательных компонент; блок собственно религиоведческого знания, где религия выступает в качестве самостоятельного объекта социальной реальности, с которым члену общества необходимо быть знакомым на уровне «теоретического минимума». Рефлексия обучающимися религии осуществляется через осмысление ими ключевых содержательных моментов, последовательно формируемых доступной им тематической «социокультурной таблицей» и их собственным тематическим «экраном знания» (А. Моль), что результируется во встраивании соответствующих оценок / интерпретаций в их картину мира.

**Смысловой (культурный) модус – образование – контекст.** Указанные содержательные моменты воспринимаются обучающимися сквозь призму ранее усвоенных ими тематических ценностей и представлений, так что ученики призваны искать и находить модель их согласования. Как отмечает Д. Эрвьё-Леже, «социальную логику духовного «самодела» (*spiritual do-it-yourself composition*) невозможно постичь, если не брать в расчет как социальные условия доступа к символическим ресурсам данного конкретного индивида, так и те культурные условия, в рамках которых эти ресурсы используются» (18, С. 258). Сказанное относится не только к собственно религиозному выбору, но характеризует более широкий и разноплановый процесс мировоззренческого осмысления как такового. Здесь в едином фокусе образовательной коммуникации сходятся объективные диспозиции целевого субъекта образования в отношении различных референций изучаемой действительности и различные культурные оценки / интерпретации этих последних, усваиваемые им извне. Как следствие, культурно-смысловым ресурсом рефлексии религии в образовании представляется, прежде всего, определённый паттерн образовательного знания (5, С. 18-20), транслируемый в ходе учебного процесса. Это знание имеет мировоззренческое измерение, предполагающее культурную рефлексию.

Применительно к рефлексии религии оно включает три «концентрических» уровня. Это, в первую очередь, тот блок знания, который транслируется обучающимся в рамках предметно-дисциплинарного преподавания. Второй уровень – более широкий пласт школьного образовательного знания, имеющего актуальнее точки соприкосновения со знанием о религии. Третий уровень культурно-смыслового модуса образования – фоновое тематическое знание о религии, имеющее характер повседневного знания. Проблема в культурно-смысловом модусе образования концентрируется, таким образом, в ракурсе контекста смыслового содержания образования: как будет воспринят (оценен и интерпретирован) соответствующий блок знания на самом деле?

Противоречие здесь принимает вид вероятностного конфликта между про- и контррелигиозными паттернами оценки / интерпретации религии в светской культурной матрице восприятия, которые варьируются как в субъектном, так и в предметном планах осмысления. Выявление содержания и структуры такого конфликта, его основных факторов, оценка и прогноз соответствующих рисков представляются задачами конкретных исследований в соответствующей области.

**Заключение.** Рефлексия религии в образовании – осмысление религиозных явлений и процессов в ракурсе функций, целей и задач образования. Она носит сложносоставной и потенциально противоречивый характер в силу диффузии институциональных контекстов образования и других социальных институтов: собственно конфессий, семьи, СМИ и т.д. Полем их пересечения и потенциального конфликта ценностей / интерпретаций выступает сознание целевого субъекта образования – обучающегося. Качество окончательного рефлексивного соотнесения им различных версий осмысления религии определяет достижение или недостижение образовательных целей и задач в части её изучения.

Аналитическая модель, предлагаемая нами для описания и решения проблемы рефлексии религии в современном российском образовании, предполагает три измерения: ось «социальный субъект – социальная структура – смысловой паттерн»; ось «функция –

контекст»; ось «общество – образование». Такой подход позволяет «распутать» проблемный узел, который представляется как рядоположенность нескольких противоречий.

Субъекты в обществе придерживаются различных умонастроений / рефлексивных позиций относительно религии, которые могут не укладываться в рамку доминирующей программы рефлексии. Это создаёт дисфункциональный потенциал взаимодействий в поле религиозной ситуации. Соответственно, субъекты образования формируют и выражают различные заказы на оценку / интерпретацию религии в образовании, как в части её количественного присутствия в образовательной коммуникации, так и в качественной части содержания преподавания. При этом ряд запросов и предполагаемых образовательных результатов выходят за предлагаемую рефлексивную рамку. Количественные и качественные параметры такого несовпадения остаются в значительной мере неопределёнными.

В структурно-институциональном плане отношений в обществе существует напряжение между политико-идеологической и объективно-научной интенциями рефлексии религии. В сфере образования это преломляется в латентный либо явный конфликт между обучающей (принцип научности) и воспитательной (принцип культуросообразности) функциями образования, что дополняется противоречием между частным характером соответствующего образовательного сегмента и возлагаемыми на него масштабными задачами.

В культурно-смысловом плане исходное противоречие – между религиозными и светскими мировоззренческими смыслами и ценностями – акцентируется противоречием между асимметрией репрезентации культур в обществе в пользу светской культуры (интерпретирующим модусом) и активной ревитализацией религии (транслирующим модусом). Светская культура не всегда способна аутентично интерпретировать религиозные смыслы; при этом она порождает различные, в том числе противоположные по содержанию, оценки / интерпретации религиозных реалий. В сфере образования это противоречие принимает вид вероятностного конфликта между про- и контррелигиозными паттернами оценки / интерпретации религии в светской культурной матрице восприятия, которые варьируются как в субъектном, так и в предметном планах осмысления.

### **Литература**

Александр, Дж. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология [Текст] / пер. с англ. Г.К. Ольховикова под ред. Д.Ю. Куракина. – М.: Изд. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. – 640 с.

Гидденс, Э. Последствия современности [Текст] / Энтони Гидденс: [Пер. с англ.] – М.: Издательская и консалтинговая группа «Праксис», 2011. – 352 с.

Дюркгейм, Э. Социология. Её предмет, метод, предназначение [Текст] / Э. Дюркгейм: Пер. с франц. – М.: Наука, 1995. – 572 с.

Зайченко, А. Авторитет как политический ресурс церкви [Текст] / А. Зайченко // Религия и право. – 2003. – № 4. – С. 6-8.

Зборовский, Г.Е. Образовательное знание как проблема социологии [Текст] / Г.Е. Зборовский // Социологические исследования. – 2012. – № 2. – С. 12-20.

Лебедев, С.Д. Образовательная рефлексия религии: к социологической интерпретации [Текст] / С.Д. Лебедев // Социологический журнал. – 2014. – № 2. – С. 72-88.

Лункин, Р.Н. Образ РПЦ в светских массмедиа: между мифом о государственной церкви и фольклорно-окультурным православием // Православная церковь при новом патриархе / Малащенко А.В., Филатов С.Б. – Москва, 2012. – С. 171-223.

Метлик, И.В. Религия и образование в светской школе [Текст]: Монография / И.В. Метлик – М.: Планета-2000, ППЦ «Пересвет», 2004. – 384 с.

Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России [Текст] / Под ред. К. Каарияйнена, Д. Фурмана. – М.; СПб.: Летний сад, 2007. – 400 с.

Основы социальной концепции Русской Православной церкви // Информационный бюллетень Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (специальный выпуск). М. – 2000 г. – №8. – 108 с.

Розати, М. Постсекулярные современности: социологическое прочтение [Текст] / М. Розати // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2014. – №1 [32]. – С. 272-293.

Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин: Пер. с англ. / Общ. ред., сост. и предисл. А.Ю. Согомонов. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.

Сухоруков, В.В. Существует ли консенсус относительно российского православия? // Социология религии в обществе Позднего Модерна: религия, образование, международная интеграция : сборник статей по материалам VII Междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 21-22 сент. 2017 г. / отв. ред. С.Д. Лебедев. – Белгород: Центр социологических исследований НИУ «БелГУ», 2018. CD-ROM. – 185 с. – С. 42-47.

Тощенко, Ж.Т. Парадоксальный человек. [Текст] / Ж.Т. Тощенко. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 543 с.

Тощенко, Ж.Т. Социология жизни: поиск ответа на научные и общественные вызовы // Дмитриев А.В., Иванов В.Н, Тощенко Ж.Т. Социологическая мозаика – 2018. – М.: КНОРУС, 2018. – С. 147-221.

Хабермас, Ю. Будущее человеческой природы. На пути к либеральной евгенике? [Текст] / Юрген Хабермас: Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь мир», 2002. – 144 с.

Шаронова, С.А. Социология образования [Текст]: Учебное пособие / С.А. Шаронова. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2011. – 380 с.

Эрвьё-Леже, Д. В поисках определённости: парадоксы религиозности в обществах развитого модерна [Текст]: // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2015. – №1 [33]. – С. 254-268.

## **МИТРОФАНОВА А.В. ПРАВОСЛАВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОДДЕРЖКИ ОДИНОКИХ МАТЕРЕЙ В КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ)**

**Аннотация.** Статья представляет собой теоретическое введение в полевые исследования православных и православно-ориентированных социальных проектов на примере оказания помощи одиноким матерям и беременным женщинам, находящимся в сложной жизненной ситуации. Автор утверждает, что Русская Православная Церковь, пришедшая в социальную работу только в конце XX века, имеет шанс избежать тяжелых ошибок, сделанных другими христианскими благотворительными организациями за прошедшие сто лет. В качестве примера приводится работа католических приютов Ирландии и Квебека для одиноких матерей и детей, рожденных вне брака. Хотя эти заведения во многом опережали свое время, находившихся в них женщин и детей воспринимали как объекты, нуждающиеся в моральном исправлении посредством тяжелого труда и обязательного покаяния. Современная социальная работа как церковных, так и православно-ориентированных светских организаций осуществляется в условиях утраты Церковью моральной и организационной монополии; это не только отражает прогресс гуманистических ценностей в обществе, но и способствует более глубокому исполнению евангельских заповедей. Автор предполагает, что в условиях сворачивания государственной системы социального обеспечения Русская Православная Церковь может приобрести новые инструменты влияния на общество и продвижения собственной повестки дня.

**Ключевые слова:** православная социальная работа; приюты для женщин; Русская Православная Церковь; Дом для мамы; гуманизация социальной работы.